

С минутку времени пролежал наш герой недвижимо; потом осторожно, боязливо, тихо открыл оба глаза: нет! перемены нет никакой; всё было то же, по-прежнему. «Стало быть, даже и не сон! — вскрикнул господин Голядкин, — стало быть, это я действительно, в сущности, и наяву проспал за полдень! Да где же Петрушка?» — продолжал он пошептом, весь в страшном волнении и чувствуя довольно значительную дрожь во всех членах... Вдруг одна мысль пронеслась в голове его... Господин Голядкин бросился к столу своему, оглядел его, обшарил кругом, — так и есть: вчерашнего письма его к Вахрамееву не было... Петрушки за перегородкой тоже теперь совсем не 10 было; на стенных часах был час, а во вчерашнем письме Вахрамеева были введены какие-то новые пункты, весьма, впрочем, с первого взгляда неясные пункты, но теперь совершенно объяснившиеся пункты, лично и фамильно до господина Голядкина относящиеся... Наконец, и Петрушка, хотя и в пьяном виде (и следственно, был в своем праве, и потому с него и спрашивать нечего), объявил же вчера, что другие вдвойне не живут, а живут по честности... Стало быть, это всё было так! Намек был ясный, козни врагов обнаружены, и игра почти открывалась; игра-то шла, стало быть, теперь на открытую... Ясное дело, что подкапывались теперь под самое сердце его благодеяния; 20 ясное дело, что подкупали, шныряли, колдовали, гадали, шпионничали, что, наконец, хотели окончательной гибели господина Голядкина; может быть, уже назначили день... может быть, уже назначили час... Стало быть, Петрушка подкуплен и тоже теперь на их стороне перemetчиком; стало быть, вот как! Стало быть, вот такую-то турнюру начали теперь дела принимать!.. Иначе чем же объяснить исчезновение Петрушки, вчерашнее поведение Петрушки, письмо Вахрамеева с обвинительными пунктами, сухость и жесткость отношений с начальством, наконец, исчезновение письма и то, что господин Голядкин пропал за полдень, — чем же всё это объяснить, как не присутствием, 30 как не злонамеренным участием во всех неудачах его нового неблагопристойного лица, как не скрытными и подпольными кознями этого лица для нанесения всяческого безбожного ущерба господину Голядкину... И господин Голядкин знал, какое это было лицо, знал, какая новая особа подмешалась, — и знал, почему подмешалась. Потому, что у Измайловского моста дело началось, потому и подмешалась. «И этого довольно для дальнейшего уразумения, — подумал господин Голядкин. — Да и дело-то ясное было! Да и как, впрочем, такая простая мысль еще вчера миновала меня! как это я сразу давно обо всем не смекнул! Оттого всё и сделалось; и хотя это и сплетня, хотя всё это не 40 более как выдумка бабья, старушья, выдумка известных старух, стакнувшихся с известными лицами, чтобы людей обмороить, чтобы окончательно дорезать в нравственном отношении человека, — но всё это было именно так! Так это там-то главный узел завязывался! — вскричал господин Голядкин, ударив себя по лбу и всё более и более открывая глаза, — так это в гнезде этой сквердной немки кроется теперь вся главная нечистая сила! Так это, стало быть, она только стра-